

«...Книга есть кубический кусок горячей, дымящейся совести — и больше ничего...»

Ее писали. Она росла, набиралась ума, видала виды, — и вот она выросла, и — такова...

Неумение найти и сказать правду — недостаток, которого никаким умением говорить неправду не покрыть. Книга — живое существо. Она в памяти и в полном рассудке: картины и сцены — это то, это то, что она вынесла из прошлого, запомнила, и несогласна забыть...

Так мы вплотную подходим к чистой сущности поэзии. Она тревожна, как злое крушение десятка мельниц на краю голого поля в черный, голодный год».

Борис Пастернак.
«Несколько положений» (1919 г.).

Прошло добрых тридцать лет. Поэты, прозаики словно бы «исписались». Стало невозможно без конца восхвалять советский строй и его великого вождя. Чтобы заработать на хлеб, взялись за переводы, а для души, свое складывали «покуда в ящики письменных столов». (Правда, Пастернак предпочитал «контрреволюционную писанину» хранить у добрых друзей.)

Ахматова, Зощенко, Пастернак, Соколов, Твардовский... Все они, через Гослитиздат были связаны, а нередко дружили с моей, ныне покойной женой Александрой Петровной.

Все они побывали у нас на Кудринке. Со всеми ими я встречался, многие их письма берегу.

22 июля 1949.

Дорогой друг мой, Александра Петровна!

Что за безумие было посылать по почте за город! Завадская пишет о дерзкой мечте получить перевод к двадцатому, а сегодня двадцать второе и я только десять минут тому назад узнал о дерзкой мечте. Просьбу Вашу я уже исполнил только как женскую блажь и фантазию, Вашу и Завадской, потому что и перевод и стихотворение страшные пустяки, и лучше бы Вы поместили его под своим или ее именем, хотя конечно обе Вы достойны лучших подарков.

Но,

Переводить Тычину

Нет у меня причины,

и я не понимаю, из чего Вы подняли шум и стоит ли ради этого любить меня и помнить, как у Вас в записке?

Но, шутки в сторону, поговорим всерьез. Ваша святая — самая участливая из святомучениц, о ней поется, что она сораспинается и согребаются, страждет, живет и умирает. Дело в том, что выходившие зимой отдельные Шекспиров и недавно вышедший в «Искусстве» двухтомный — начинания затянувшиеся и опоздавшие года на три, на четыре. По ним было все забрано и прожито давным-давно в счет будущего. Деньги у меня на исходе и через месяц я окажусь на такой мели, как еще не бывало.

Потому, во-первых, непосредственная просьба к Вам: поскребите за Грузинскую Антолию все, что мне там остается, уполномочьте на этот счет Масленникову и Макарова мне переведет на книжку.

Но это все мелочь, пора подумать о более широких перспективах на более долгие сроки. В этом смысле пишу я Котову, без уверенности в энтузиазмическом отклике, потому что в последнее время стал он жидоморничать и скаредничать со мной совсем по-крохоборски. К тому же и Вы так и не открыли мне, с какой стороны он меня чернил заглазно. Вот почему письмо на его имя я направляю через Ваши руки. Пробегите его, пожалуйста, испытанным взором и вручите, если оно не вызовет Ваших возражений, с соответствующей устной поддержкой. Простите, что затрудняю.

Целую Вашу руку. Б.П.

P.S. Александра Петровна! Вот почему злит и досадно делать такую безделицу для Т.

Однажды из Тычины

Я перевел терцины, и очень милые о Коцюбинском, а Иуда Тарасенков режет мне целую книгу переводов, подобных названному, в том числе и Тычину.

С любовью искренней и братской Явниной и М. Завадской.

7 авг. 1949

Дорогая Александра Петровна! Я знаю, что это все фантазия, но может быть (Вы так много делали для меня!), — может быть эта фантазия доступна Вашим силам.

Мне требуется 4 тысячи чистых, две Нине Табидзе и две в другие руки. Сочините их пожалуйста, тут же на месте, если это хоть сколько ниб. <удь> мыслимо, и не сердитесь за этот притязательный и поспешный вздор.

Вину этой докучливости я заглажу когда-нибудь перед Вами, тем что расскажу Вам свою глупость в грустную минуту, или одним взглядом напомню Вам о глубине и степени моей преданности Вам.

Б.П.

А вот еще довольно любопытное письмо, характеризующее поэта: Дорогая дорогая Александра Петровна!

Она и Нина расскажут Вам, как я занят сейчас, не только лишь много, а с пользой счастливо и плодотворно, и совсем не езжу в город. Как только явится случай и необходимость погонит меня в Москву, я поспешу с Вами повидаться и подтвердить и доказать Вам мою признательность и преданность.

Ваш Б.П.

Не берусь судить гения. И все же полагаю, что читателю, знакомому с творчеством и изданными письмами и всем тем, что о нем написано, будет интересно узнать и с этой стороны.

Бесценны его переводы с грузинского, не говоря уж о Шекспире. И кто, в конце концов, знает, какая чаша весов перевесит на весах куль-

клоняюсь перед Вами и Вас без конца благодарю.

Преданный Вам
Б.П.

С Новым годом, красавица моя, Александра Петровна, и пусть сбудутся в нем самые безумные Ваши фантазии.

Помнится мой, кажется, первый визит к Пастернаку в Москве. Из гостей были чета Левановых, Александра Петровна и я. За ужином Леванов — симпатичнейший, интересный человек, на которого я смотрел с восхищением, вскоре «перебрал» и, рассочувствовавшись, полез ко мне целоваться, но резко повернувшись, очутился под столом...

Александра Петровна не выносила

О НЕОДНОМЕРНОСТИ ЖИВОГО ЧЕЛОВЕКА

Неизвестные письма Бориса Пастернака

Не повторяю трижды, потому что пишу второпях! Подстрочники Абашели взял, отберу 3 — 4 п.л., страшно занят, остальное позволю себе передать моей доброй знакомой Ольге Всеволодовне Ивинской, которая прекрасно с ним справится.

Сердечный привет Элисбару Аниашвили. Убедительная просьба к нему: не сносить со мной и домашними по этому поводу непосредственно, во избежание неприятных и роковых для меня последствий. Пусть ограничится переговорами о переводах Абашели с Ольгой Всеволодовной.

Так надо. Пусть он поверит мне и простит меня.

Вы знаете, как я поклоняюсь Вам и люблю Вас. Пребываю неизменно в этой слабости.

Ваш Б. Пастернак

21 марта 1955 г.

И, наконец, еще одно интересное письмо этого недоужинного человека.

6 авг. 1956.

Дорогая Александра Петровна!

Я давно порываюсь сказать Вам свое горячее, сердечное спасибо за Ваши продолжительные и многократные подвиги находчивости и великодушия. Вы — совершенная волшебница. Благодаря Вашей помощи О.В. могла стать на ноги в смысле заработка и в правовом отношении. Она сейчас работает очень хорошо и не только самостоятельно, но, по некоторым причинам, часто управляется за двоих. Тем более спасибо Вам, это Вы наворожили, это с Вашей легкой руки.

туры России — его стихи или переводы?

10 дек. 1953 г.

Дорогая Александра Петровна!

Мой «Змеяд» плох и устарел. Знаете ли Вы, что эта вещь есть у Заболоцкого? Я не видел его перевода, но он гораздо новей и уж тем одним, наверное, лучше. Заболоцкий занимался Важа Пшавелой недавно, а я двадцать лет тому назад, когда в силе еще были все гадости футуризма, распад формы, неточная рифмовка, когда, говоря по правде, никто из нас еще не умел писать, и когда тяжелой этой и неуклюжей тарбарщины, казавшейся оригинальностью, у бедного и обожествленного Маяковского было еще больше, чем у меня. Этих грехов не может быть у Заболоцкого, его перевод, по всей вероятности, — легкий плавный, человеческий.

На всякий случай посылаю Вам позднейшую редакцию этого творения, где, как видите, герой уже назван, пожирателем змей. Но зачем, вообще говоря, переиздавать подобный мусор. Я извлек эту книжку и мне стало страшно.

Полный Бараташвили, за исключением «Лирики» и «Синего цвета» это ведь бред невообразимый, возы и горы бессмыслицы, выдаваемой за глубокомыслие. И таково же все остальное, кроме двух трех стихотворений Чиковани «Ласточки» и «Работы».

Однако, это к делу не относится. Главное то, что Вы прелесть и умница, и что я в восхищении от Вас и люблю огонь, одушевляющий Вас и быстроту и меткость Вашего глаза, и умение видеть на сажень под землю, и пре-

пьяных и, кивнув мне, стала прощаться. Сконфуженный поведением гостя, Борис провожал нас до выхода на улицу, как бы конфиденциально, оправдываясь:

— Приходится их приглашать и сохранять добрые отношения, он, как я предполагаю, ко мне приставлен...

Ни тогда я этому не поверил, не верю и теперь. Борис Леонидович, как многие талантливые люди, был человеком безжалостным. Таким он оказался к влюбленной в него Цветаевой, которая приехала в Союз под некоторым влиянием его писем. Таким он был и в суждении к многим поэтам, которых переводил.

Борис Леонидович «помогал», как правило, тогда, когда это ничего ему не стоило, не нарушало его покой, достаток или было выгодно. Он умело подходил к людям, особенно к женщинам! Письма Цветаевой он прячет от жены у Александры Петровны. Неизданного еще «Доктора Живаго» — у Нины Александровны Табидзе.

«Литературным контрабандистом»: Ольге Ивинской, ведающей делами Пастернака, присудили 8 лет лагерей, а ее молодой дочери Ироке — 3 года. А по сути дела, осудили за то, что передала роман за границу.

О Пастернаке вообще распространяли совершенно нелепые слухи, дескать, его преследуют, не дают возможности писать и т.п. Иностранцы, приезжая к нам, бывали у Пастернака и убеждались в том, что все эти слухи — чистейшее вранье. Никогда и никто не подвергал Пастернака репрессиям, никто не преследовал. Писательские организации относились к нему в высшей степени терпимо. Иностранцы видели, что Пастернак живет на советских хлебах не так уж и бедно, обеспечен всем необходимым, получает высокие гонорары за переводы классиков, что у него своя большая дача и что вообще любой западноевропейский или американский писатель мог бы позавидовать его положению...

О творчестве этого талантливого писателя написано много, как и о человеке — энигме. Точки зрения разные, однако невольно задаешься вопросом: почему так единодушно выступали писатели за его исключение? Даже такой человеколюбивый защитник обиженных властями людей, как Сергей Сергеевич Смирнов, ратовал за изгнание Пастернака из Союза! Не все так просто, как нас теперь пытаются уверить.

Вот что написала Б.Л. Пастернаку в письме Марина Цветаева после откладываемой в течение десяти лет встречи в Париже:

«...Убей меня, я никогда не пойму, как можно проехать мимо матери на поезде, мимо 12-летнего ожидания. И мать не поймет — не жди...

...О вашей мягкости: Вы — ею — откупаетесь, затыкаете этой гигроскопической ватой дыры ран, вами наносимых, вопиющую глотку — ранам. О, вы добры, вы при встрече не можете первым встать, ни даже откашляться для начала пошлой фразы — чтобы «не обидеть». Вы идете «за папиросами» и исчезаете навсегда и оказываетесь в Москве на Волхонке 14, или еще дальше...

...Твоя Мать, если тебя простит, — та самая мать из средневекового стихотворения — помнишь, он бежал, сердце матери упало из его рук, и он споткнулся: «И вдруг сердце ему говорит: Не ушибся ли ты, мой малыш?»

Ну, живи. Будь здоров. Меньше думай о себе...»

Иван ДОРБА